

Что трава не выжжена, а выморожена до черноты, Баки понял позже. Когда намаялся в одиночестве от безделья и наконец нашёл под навесом, откуда таскали дрова для погребения, неплохой топор и точильный камень. Без руки было паршиво, его постоянно кренило в сторону, ноги сводило от усилия, с которым он зажимал зернистый круг между бёдер. Но это показалось ему лучшим занятием, чем ходить вокруг землянки по чавкающей после ночного ливня земле в ожидании Стива, перебарывая подсознательный мелкий страх, поднимающийся внутри, — что же он будет делать, если мальчишка не придёт вскоре? Сидеть тут одному в ожидании? Идти на поиски? Что, если друид попал в бочаг или яму, что, если он сломал ногу, пока бежал от него стремглав? И его уже дожирают дикие звери? Баки едва держался, чтобы не кинуться за ним.

Удушливо-ароматно пахло разнотравье и терпко — влажная земля под сплетённой сочной зеленью. Негромко щебетали в лесу птицы, словно перекликаясь между собой и не веря, что ночной ужас обошёл их гнёзда стороной. И только когда утреннее солнце на самом деле показалось из-за марева облаков, он разглядел вымороженные до чёрной хрусткой хрупкости стебли травы на этой дороге к лесу, на которую Баки не рисковал даже ступню ставить — до того на него нападало дрянное ощущение бессилия и брезгливости рядом.

Значит, выстудило, забрало жизнь. Быть может, дух надвигающейся зимы, Кальях Варе, предчувствуя Самайн, приходил к друиду. Быть может, учуял поживу для себя, пил его страх, как ключевую родниковую воду. Это уже не важно. Если Баки хоть что-то понимал в духах этих мест, то становилось ясно — дух не успокоится, пока не заберёт его. Как он сам не прекратил бы выслеживать раненого оленя — по кровавым бусинам на мху, по легчайшему клоку шерсти на коре дерева, по чуть примятому следу на лишайнике. Он бы не остановился, загоняя добычу.

И Баки замер рядом с вымороженным следом, поражённый такой простой, ясной мыслью и возникшей целью. Он, конечно, не победит. Но он может умереть как воин и показать мальчишке, что он не трус. Показать, что не нужно стоять насмерть из-за него, теряя последние силы. Дух был прав. Он обуза, он жертва. Так почему не отдать жертву богам? Умирать смиренно он не собирался. Он жаждал последней яркой битвы насмерть. Никто никогда и не ждал, что жертва примет свою участь тихо и смиренно. Чем горячее желание жить, тем ценнее жертва.

По разгоревшемуся внутри огню Баки понял вдруг, что жить он хочет так сильно, как никогда. Он должен был сразиться с ней. Он должен был принести покой этому месту — и, кто знает, может именно поэтому он здесь. И он ещё дышит.

Страх не было. Только ощущение, что в тумане он наконец увидел дорогу домой.

Стив вернулся ближе к полудню, когда солнце забралось на самый верхний свой насест. Когда Баки отлично заточил топор — хоть осеннюю паутину руби на легчайшие воздушные нити, — и когда успел приноровиться справляться с колкой поленьев на чурбачки и щепу одной рукой, хотя, видят боги, это больше походило на нелепые кривляния, чем на достойное мужа дело. Но он справился, пропотел, стянул с себя вымокшую рубаху и остался в одном килте даже без своего тяжёлого воинского пояса — тут между небом и землёй от бряцанья железом не было никакого толку.

Баки уже сидел на солнышке, греясь и обсыхая в нежданно-тёплых лучах — он знал, что это последние крохи тепла перед зимой, и впитывал их всей кожей, обнажённой грудью, рукой и голыми коленями, впитывал их лицом и заросшим густой щетиной подбородком. Он успел увидеть, как Стив прошелестел совсем рядом с ним по траве, прошлёпал босыми ногами. Он был весь мокрый, и ткань его старой длинной рубахи липла к худому телу, выставляя напоказ все хрупкие косточки, выемки и бугорки. Он снова дрожал от холода и даже не посмотрел в его сторону, сохраняя отрешённо-смурной вид. Зато Баки хватило одного тайного взгляда из-под прикрытых ресниц, он словно спал, пригревшись в солнечном тепле, — чтобы запомнить идеально карту чужого тела. Баки не знал, зачем ему это. Он не собирался брать крепость штурмом, ему не нужно было знать расположение конницы и пехоты, он не собирался использовать тайные ходы и лазы, не собирался запоминать самые удобные и крепкие камни, способные выдержать крючья и верёвку с его весом, чтобы он мог забраться на стену. Голова сама делала это — запоминала в мельчайших подробностях устья синеватых вен под тонкой кожей, едва заметные золотистые веснушки на скулах и сзади на шее, которые он раньше почему-то не увидел. Худые рёбра и колючие ключицы. И вершины острых маленьких сосков под налипшей на грудь тканью.

Баки сухо сглотнул и закрыл глаза, зажмуривая их с силой, до пятен и мерцающих звёзд. Это было похоже на наваждение: дурман трав и жирной влажной земли, и то, что он слишком давно не выплёскивал своё семя — всё связалось в один узел, и поэтому он сидел сейчас, и его сердце настойчиво бухало в голове, в затылке, и от этого же во рту пересохло, а член набух, приподняв ткань килта. Баки положил сверху свою тяжёлую ладонь, придавливая его, и сжал зубы, чтобы не подать голоса — таким долгожданным было прикосновение.

<http://erolate.com/book/3459/83613>